

воспоминаний Болотова с описанием времяпрепровождения двора в 1740—1750-х годах и других материалов известно, что все эти песни действительно пелись, а кое-где сообщается, и как они сочинялись. Это приводит к выводу, что в сознании грамотных людей XVII—XVIII веков существовало строгое разграничение между книжной, искусственной (литературной) песней, которая бытовала в пении, с одной стороны, и стихотворными произведениями, в том числе виршами Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, П. Буслаева, А. Кантемира, В. Тредиаковского и других, которые были назначены для чтения, — с другой. Однако и духовная и светская песня, певшаяся в XVII—XVIII веках, резко отличалась от народной песни, с которою она имела только то общее, что и та и другая бытовали в пении, а не в чтении.

Другими словами, во второй половине XVII века и в XVIII веке, рядом с фольклором — народной песней, с одной стороны, и с виршевой литературой, которая назначалась для чтения, — с другой, существовала промежуточная форма творчества — книжная, или искусственная, песня. Можно даже утверждать, что эта книжная, или литературная, песня была основной формой лирического творчества вплоть до второй половины XVIII века. Отсюда неправильно рассматривать книжную (искусственную) песню как несамостоятельный литературный жанр, целиком растворяющийся в поэзии по аналогии с положением, какое литературная песня («русская песня») занимала в первой четверти XIX века: книжная песня в XVII—XVIII веках была особым, отдельным и равноправным видом поэтического творчества рядом с фольклором и чисто словесной поэзией.

В это время в книжной песне мы выделяем ряд жанров: 1) песни духовные (хвалебные, или гимнография, и покаянные) и 2) песни светские, среди которых выделяются: а) любовные, застольные, юмористические, сатирические, гражданского характера (о воле) и б) панегирические (по существу относящиеся к песням гражданского характера).

Исследователи русской литературы конца XVII и начала XVIII в. не обращали до сих пор внимания на тот факт, что множество произведений Симеона Полоцкого и его учеников, а также И. Максимовича, Ф. Поликарпова и многих других стихотворцев тех лет дошло до нас буквально в единичных записях, тогда как тексты книжных песен даже от XVII века нам известны в десятках вариантов, а иногда и во много большем числе записей. Это значит, что виршевая поэзия не имела читателя. А. И. Белецкий недаром сказал, что «Симеону Полоц-